

Юй Шаои замер от неожиданности — он не думал, что тот выскажется настолько прямо. Пока он пребывал в замешательстве, Юй Шаолин уже взлетел в седло и протянул ему руку.

— Шаои, поднимайся.

Поколебавшись мгновение, Шаои принял руку, словно не в силах противостоять искушению. Слишком горячим, почти обжигающим показалось тепло чужой ладони, но разжать пальцы он так и не решился.

Юй Шаолин обладал необъяснимой, пугающей властью: одним касанием он без труда рушил любые воздвигнутые против него стены.

Вчетвером они пустили коней галопом и вскоре добрались до очага заразы — Храма Старой улицы.

Когда-то на горе Цинянь это святилище служило местом поклонения местных жителей, однако кому именно там молились, никто толком сказать не мог. Известно лишь, что это божество не принадлежало ни к даосскому, ни к буддийскому пантеону. Должно быть, деревенские жители прослышали о каком-то безвестном духе, но тот исправно исполнял прошения, отчего и снискал у простого люда глубокое почтение.

Стоило кому-то столкнуться с бедой или невзгодами, как они спешили в Храм Старой улицы, и молитвы их редко оставались без ответа. Из-за нескончаемого потока паломников и обильных подношений в заброшенных приделах со временем обосновались бродяги. Позже они объявили себя служителями святыни, взяв под надзор подношения и курения.

Именно с этих самозванных жрецов и началось распространение губительного мора.

Когда отряд прибыл на место, вокруг Храма Старой улицы на мили окрест не осталось ни души. Лишь сиротливый силуэт святилища высился посреди заброшенной пустоши, навевая тоску.

Опасаясь засады, Юй Шаолин велел Шаои, фее Гушэ и Чжу Чжояну подождать снаружи, намереваясь войти внутрь и осмотреться в одиночку.

Однако едва он озвучил свои мысли, как фея Гушэ отрезала:

— Я пойду с тобой.

Юй Шаолин замешкался, но девушка парой фраз быстро разложила всё по полочкам:

— Если внутри притаились твари Димо, твоих сил не хватит. Техниккой «Легкость перьевого

плетения» ты не владеешь, так что без меня не обойтись. Самый разумный выход — идти вдвоём.

— Исключено!

— Не пойдёт!

Оба возражения прозвучали в один голос. Юй Шаолин даже заподозрил, что Чжу Чжоян и Юй Шаои сговорились заранее — уж больно слаженно они выступили.

Похоже, фея Гушэ подумала о том же. Столкнувшись взглядами, они без слов разделили взаимную досаду, и между ними проскользнула искра невольного понимания.

Но эта безмолвная сцена лишь сильнее раззадорила их «младших».

Чжу Чжоян бесцеремонно задвинул фею Гушэ себе за спину и выпалил:

— Я против! Нечего Линлин ходить с тобой, я тебе не верю.

Шаои тоже потянул Шаолина за край рукава, всем видом выказывая недовольство.

Впрочем, он, в отличие от несносного молодого господина Чжу, не устраивал глупых сцен. Капризы Чжояна сводились к банальному упрямству, тогда как Шаои действовал куда тоньше. Он просто молча смотрел на брата, пока тому не стало неловко, а затем тихо произнёс:

— Братец, я пойду с тобой. Не могу оставить тебя одного.

«И всё-таки братишка куда заботливее этого несносного мальчишки», — с гордостью подумал Юй Шаолин.

Но как Шаои переживал за него, так и сам Шаолин не мог со спокойной душой оставить «брата» наедине с безалаберным Чжу Чжояном. Идти же всем вместе тоже не стоило — в заброшенном храме их могла подстеречь опасность.

Взвесив все за и против, Шаолин просто указал пальцем на Чжояна:

— В таком случае пойдёшь ты. Со мной.

— Чего?! — вылутился тот.

Юй Шаолин даже не удостоил его ответом. Повернувшись к фее Гушэ, он вежливо поклонился:

— Фея, мой братишка лишён духовных сил. Прошу вас, присмотрите за ним. Если вдруг что-то случится, немедленно зовите меня — я тут же приду на помощь.

Стоило деве кивнуть, как на душе у Шаолина полегчало. Покосившись на Шаои, он поймал его пристальный, завораживающий взгляд. Молчаливый, но невероятно выразительный.

И всё же тревога не отпускала. Поколебавшись, Шаолин не удержался от напутствия:

— Шаои, держись ближе к фее Гушэ. Я быстро.

Шаои ничего не ответил, лишь глубоко посмотрел на него и едва заметно кивнул.

Оставив спутников, Шаолин увлёк за собой Чжу Чжояна под своды Храма Старой улицы.

Внутри убранство оказалось на удивление добротным и свежим — за вещами явно ухаживали. Лишь недавнее запустение и осевшая пыль выдавали отсутствие хозяев.

Чжоян сразу подобрался, напоминая натянутую тетиву, и диковато озираясь по сторонам.

Шаолин же оставался спокойным. Оглядевшись, он заприметил в глубине зала тяжёлые портьеры и направился напрямик к ним.

Не успел он сделать и шага к занавесу, как за спиной раздался резкий окрик, заставивший его вздрогнуть:

— Ты что творишь?!

От неожиданности Шаолин чуть не оборвал ткань. Развернувшись к разъярённому юнцу, он процедил сквозь зубы:

— Это место выглядит наиболее подозрительным. Разумеется, я собираюсь его осмотреть.

— Я сам! — воинственно вскинулся Чжу Чжоян.

Мальчишка явно терпеть не мог Шаолина и спорил с ним из чистого упрямства. Позабыв о недавней осторожности, он решительно шагнул вперёд и без лишних церемоний, даже не подумав о защите, рванул занавес на себя.

Шаолин, подгадав момент, оглушительно гаркнул ему под ухо.

Молодой господин так и подпрыгнул: он мгновенно побледнел, покачнулся и едва не растянулся на полу.

Опомнившись, Чжоян взвился от ярости:

— Ты чего орёшь?!

— А кто тебе разрешил хвататься голыми руками? — с самым серьёзным видом парировал Шаолин, выставя заранее заготовленный предлог. — Окажись там отравы или ловушка, лишился бы пальцев.

— Но ты ведь сам собирался сделать то же самое!

— Отнюдь, — Шаолин слегка приподнял ножны, демонстрируя рукоять меча. — Я собирался приподнять ткань острием клинка. Но ты же у нас самый шустрый, вперёд батьки полез. Эх, молодёжь... никакой осмотрительности.

Он сокрушённо покачал головой, доводя Чжояна до белого каления.

Вдоволь поиздевавшись, Шаолин решил сжалиться над полыхающим от гнева союзником и примирительно добавил:

— Ладно, главное — обошлось. Впредь не будь столь опрометчивым.

Не дожидаясь ответа, он заглянул за портьеру и замер от изумления.

Шаолин ожидал увидеть там традиционный алтарь с позолоченной статуей грозного божества. Однако занавес скрывал нечто иное. Никакой даосской отрешённости или буддийского величия здесь не было и в помине.

В нише висел свиток с портретом молодой женщины. Рисунок казался простоватым, но черты лица незнакомки были удивительно тонкими и красивыми. В руках она бережно сжимала меч, а в её взгляде читалась едва уловимая горделивость.

Хотя мастер не отличался выдающимся талантом и местами штрихи казались грубыми, ему каким-то чудом удалось передать живое очарование этой девы. Лицо её, казалось, дышало теплом, а едва заметная улыбка манила к себе, рождая в душе странное, необъяснимое притяжение.

Шаолин поймал себя на безумном желании протянуть руку и коснуться нарисованной щеки...

— Это ещё что за вздор? И вот этому молятся на горе Цинянь? — Презрительный возглас Чжу Чжояна выдернул его из оцепенения. Юнец пренебрежительно фыркнул: — Ни святости, ни благочестия. Сплошное непотребство, неудивительно, что они навлекли на себя гнев небес и мор.

Шаолину почему-то стало неприятно от этих слов, и в душе шевельнулось желание резко осадить наглеца. Но, поразмыслив, он признал: зараза действительно поползла именно из этого храма.

Подавив раздражение, он посерьёзней и обратился к спутнику, сложив ладони в жесте приветствия:

— Молодой господин Чжу, прошу вас, приступайте.

На сей раз Чжоян не стал пререкаться. Он сосредоточился и применил «Легкость перьевого плетения» — гордость школы «Алые врата и расшитые покои».

Потоки духовной силы соткались вокруг его тела в бесчисленные тончайшие нити, напоминающие полупрозрачную накидку из перьев. Сияющая паутина устремилась во все стороны, проникая в каждую щель, под каждый кирпич заброшенного святилища.

Так искали зрелых особей земляного демона.

Внезапно Чжоян вздрогнул, распахнул глаза и хмуро произнес:

— Под портретом что-то есть.

— Что именно?

— Не разобрать, — юноша запнулся, а затем добавил: — Но демоническая ци там запредельная. Похоже, именно эта дрянь и приманила земляных насекомых.

Значит, портрет служил лишь прикрытием, а истинная угроза таилась глубже?

Мысли Шаолина лихорадочно заработали. Чтобы добраться до источника заразы, следовало избавиться от свитка, а самый простой способ сделать это — сжечь или изорвать его в клочья. На душе у него отчего-то стало мутно и беспокойно.

Но медлить было нельзя. Преодолев мимолётное смятение, он твёрдо произнёс:

— Тогда начнём с картины.

Чжу Чжоян молча направил сияющие нити к свитку, намереваясь сорвать его со стены. Однако едва плетение коснулось холста, как скрытая в нём мощь сработала подобно сжатой пружине. Ответный удар оказался настолько сокрушительным, что юношу отбросило назад, и он закашлялся кровью.

Шаолин так и замер. В оригинальной истории именно благодаря этой технике героям удалось изловить земляных демонов, но у этого горе-мастера силёнок явно не хватало. Он не то что тварей не поймал, но даже защитный барьер пробить не сумел. Неужто из-за отсутствия Ци Фаня они лишились спасительной ауры главного героя и теперь обречены превозмогать каждую мелочь?

В очередной раз Шаолин укрепился в мысли, что без покровительства судьбы в этом мире делать нечего.

Но упрямый Чжоян не желал признавать поражение. Издав яростный крик, он заставил свою духовную силу вспыхнуть с новой силой. «Перьевая накидка» на его плечах уплотнилась и засияла ослепительным блеском.

Казалось, под таким напором преграда должна была рассыпаться в прах, однако, сколько бы сил молодой господин ни вкладывал в удар, проклятый холст даже не шелохнулся.

Повисла неловкая пауза.

Шаолин деликатно кашлянул в кулак и предложил:

— Может, стоит...

— Нет! — резко оборвал его Чжоян. Он отреагировал настолько бурно, словно у него пытались отобрать фамильное сокровище.

Шаолин лишь озадаченно уставился на него.

После недолгого молчания Чжоян, видимо, сам сообразил, что перегнул палку, и, смущённо кашлянув, пробормотал:

— Судя по всему, смертельной угрозы здесь нет. Линлин справляется с «Легкостью перьевого плетения» куда лучше меня. Пусть она попробует.

«Да я именно это и собирался предложить!» — мысленно закатил глаза Шаолин. И хотя внезапная сговорчивость этого заносчивого юнца его удивила, здравый смысл в его словах

определённо был. К тому же оставлять Шаои на улице одного тоже не хотелось.

Подумав, Шаолин кивнул:

— Хорошо, давай позовём её.

Чжоян быстро сбегал за подмогой. Однако, когда они вернулись, лицо феи Гушэ выражало крайнее недовольство. Она даже не удостоила мужчин взглядом, вновь напустив на себя ту высокомерную холодность, с которой встретила их в первый раз.

Зато Шаои оставался безупречно спокоен. Чистый, неприступный, словно свежавыпавший снег на вершинах гор, он казался воплощением отрешённости.

Но стоило ему заметить Шаолина, как он едва заметно и мягко улыбнулся. В то же мгновение весь мир вокруг словно поблёк, уступая место его мягкой улыбке.

Шаолин на секунду опешил, и лишь затем до него дошло, что между ними кошка пробежала.

Несмотря на смутные подозрения, приличия требовали вежливости, и Шаолин учтиво поклонился фее:

— Благодарю вас, дева, за то, что присмотрели за моим братом.

В ответ фея Гушэ лишь ядовито усмехнулась:

— Молодой глава павильона слишком высоко оценивает мои скромные заслуги. Ваш дражайший братишка — столь выдающаяся личность, что забота простой заклинательницы ему без надобности.

В её голосе сквозила откровенная неприязнь. Очевидно, пока они были внутри, на улице разыгралась нешуточная драма.

Шаолин невольно перевёл взгляд на Шаои. Тот хоть и сохранял холодное, бесстрастное выражение лица, но в глубине его глаз плясали весёлые искорки. Он смотрел на брата так, словно во всём мире не существовало никого, кроме них двоих.

У Шаолина потеплело на сердце, и он мгновенно всё понял.

Не раздумывая ни секунды, он повернулся к фее Гушэ и с самым невозмутимым видом произнёс:

— Что ж, вы правы. О моем брате действительно должен заботиться только я. Простите, что обременял вас.

Фея Гушэ лишилась дара речи.

<http://bllate.org/book/18172/1751772>